НА КАРЕТКЕ ПИШУЩЕЙ МАШИНКИ...

1. ВОПРОС, заданный нами министру культуры Таджикистана т. А. Имамову, был, возможно, и не оригинален по форме, но достаточно конкретен по существу:

— Как обстоит дело с культурным обслуживанием строителей Нурекской ГЭС?

И ответ прозвучал вполне уверенно и определенно:

— Неплохо.

Откровенно говоря, мы удивились. И для этого были серьезные основания.

Но прежде чем высказать их, отвлечемся на минуту от беседы с министром и вспомним некоторые факты, имеющие прямое отношение к предмету разговора.

У вопроса «о культурном обслуживании Нурека» (так именуется он в приказах и постановлениях коллегии министерства культуры республики) — своя длительная и довольно-таки невеселая история. Невеселая потому, что решение этого вопроса никак не может сойти с... каретки пишущей машинки!

Судите сами. Еще в марте 1961 года, когда гигантская стройка на Вахше только начиналась, коллегия республиканского министерства приняла развернутое постановление «О мероприятиях по культурному обслуживанию строителей Нурекской ГЭС». Вскоре был даже утвержден специальный график выезда членов коллегии и ответственных работников министерства в Нурек.

Казалось бы, начало положено... Но спустя несколько месяцев, когда руководящие органы республики обсудили насущные проблемы стройки, коллегия министерства культуры вынуждена была признать, что принятые ранее приказы «выполняются неудовлетворительно», а посему решила: «считать целесообразным издать приказ по данному вопросу».

Приказ по поводу двух неисполненных приказов — до чего хорошо! В третьей по счету редакции, как и в первых двух, снова самоналагались торжественные обязательства: снова текли молочные реки меж кисельных берегов. «Обеспечить укомплектование соответствующими руководителями коллективы художественной самодеятельности строителей Нурекской ГЭС»... «Организовать работу университета культуры и лектория»... «Регулярно (не реже раза в месяц) направлять на стройку коллективы театров и ансамбли филармонии»... «Организовать передвижные выставки произведений изобразительного искусства, лекции, беседы и встречи с художниками и композиторами»... «Обеспечить шефство республиканских театров над коллективами художественной самодеятельности Нурека»... И так далее, и тому подобное.

Многообещающий приказ министра был подписан в июне 1961 года. А в ноябре того же года в редакцию газеты «Советская культура» пришло коллективное письмо группы строителей Нурекской ГЭС. Молодые рабочие и инженеры Л. Тайдакова, С. Аристов, Н. Малышева и В. Сметанин не были, очевидно, знакомы с приказами министерства культуры и потому не обнаружили на стройке ни передвижных выставок, ни университета культуры, ни лектория, ни коллективов художественной самодеятельности. «Кроме кино, по существу, ничего не видим», — писали они. И добавляли: «Пора подумать о культурных нуждах рабочих».

В Нурек выехал тогда корреспондент «Советской культуры». Письмо строителей подтверждалось. В газете была опубликована корреспонденция «Свет и тени Нурека», в которой критиковалась деятельность республиканского министерства культуры.

На критику принято реагировать. Статья была опубликована 23 ноября, а уже 7 декабря 1961 года появился еще один (уже который по счету!) «нурекский приказ», подтверждающий правильность выступления газеты. Его железные строки дышали решимостью и энергией: «в двухдневный срок направить в Нурек соответствующих работников... восстановить работу университета культуры и лектория... взять под личный контроль... докладывать первого числа каждого месяца»...

И вот мы на берегах Вахша, где идет стройка. Сентябрь 1962 года — прошло полтора года с момента появления первого приказа «о культурном обслуживании Нурека», десять месяцев после критического выступления газеты. Что же изменилось? Предоставим слово тем, кто здесь живет и работает.

П. Горбачев, секретарь парткома:

— Я в Нуреке недавно. В прошлом году были попытки создать университет культуры, говорят, состоялись даже два занятия. Но на том все и прекратилось. Министр культуры т. Имамов несколько раз заверял нас, что университет будет работать — потребность в нем огромная. Однако заверения остались заверениями, а университета нет...

Л. Тайдакова, молодой инженер, мастер сборного железобетона, наша старая знакомая по письму в редакцию в ноябре прошлого года:

— Так много молодежи сюда приехало, а вечерами деваться некуда. Только и есть, что кино да танцевальный «пятачок». Уж сколько месяцев пылятся инструменты для духового оркестра, есть пианино, но самодеятельность до сих пор не организована. Как-то прислали из Душанбе художественного руководителя, но он вскоре исчез. И все идет по-прежнему...

Ю. Чайковский, инженер, начальник строительного управления здания ГЭС:

— Изредка приезжают коллективы театров и филармонии, но это лишь кратковременные вспышки. Меня, штатги, удивляет не только бездействие органов культуры, ставшая притчей во языцех, но и непонятная инертность нашей молодежи, комсомольцев. Их ведь у нас пятьсот человек — многое они могли бы сделать и сами. А то получается так: помощи от министерства культуры нет, а проявить собственную инициативу порока не хватает...

К слову говоря, инженер Ю. Чайковский безусловно прав — местные общественные организации и прежде всего комсомольцы могли бы стать начинателями разумных и полезных дел на культурном фронте. Нельзя же в конце концов вот так равнодушно сидеть у моря и ждать погоды, рассчитывать во всем только на министерство культуры. Иждивенческие настроения — плохой помощник, не грех и самим быть более инициативными и расторопными.

Но факт остается фактом: министерство культуры республики многое необещало, приняло несколько специальных постановлений «о культурном обслуживании Нурека», но все это повисло в воздухе. Вот почему нас так удивил неоправданный оптимизм министра А. Имамова, который считает, что культурное обслуживание Нурека «поставлено неплохо».

Что, собственно, «неплохо»? То, что университет культуры умер, не родившись и что сам т. Имамов так и не нашел времени прочитать строителям запланированную лекцию о культуре и искусстве Таджикистана? Что не было и нет лектория? Что начисто отсутствует художественная самодеятельность, над которой так и не взяли шефство профессиональные коллективы республики? Что обещанные выставки, творческие встречи существуют лишь в пухлых папках постановлений коллегии и приказов министерства?..

Возвращаясь к опубликованному

Дело, разумеется, не в том, как именно ответил т. Имамов на вопрос корреспондентов, и не в самой беседе с ним, которой могло и не быть. Дело в том, что руководители республиканского министерства культуры настроены чрезмерно благодушно, что их деятельность нередко начинается и заканчивается составлением приказа.

И не только история с Нуреком служит тому подтверждением. Нечто похожее происходит и в преодолении тех организационных и творческих трудностей, которые на протяжении многих лет переживает республиканский Театр оперы и балета имени С. Айни.

2. ЗА ПОСЛЕДНЕЕ время Таджикский театр оперы и балета не раз серьезно критиковался на страницах центральной и местной печати. Статья «Театр серьезно болен», опубликованная в «Советской культуре» полгода назад, обсуждалась на коллегии республиканского министерства, на открытом партийном собрании коллектива.

Критика была признана правильной. В ответе, присланном в редакцию спустя два месяца после появления статьи, министерство культуры сообщало, что «создана комиссия, которая разработала мероприятия по коренному улучшению состояния музыкальной культуры республики, включающие в себя и меры по улучшению деятельности театра и балета». Очевидно, именно эти «мероприятия по коренному улучшению» имел в виду член коллегии министерства культуры директор театра С. Назаров, который на недавнем активе работников искусства республики заявил, что «серьезные недостатки в работе театра ликвидированы, в кратчайшие сроки восстановлена творческая атмосфера, коллектив укомплектован всеми необходимыми кадрами».

Так ли это? Есть ли достаточные основания, чтобы уже сегодня столь радужно оценивать обстановку и перемены в крупнейшем музыкальном коллективе республики?

Действительно, кое-какие сдвиги наметились. Если за первое полугодие не было поставлено ни одного нового спектакля, то к открытию текущего сезона театр возобновил давно сошедшие с его сцены «Лебединое озеро» и «Кармен», показал премьеру долгожданного балета «Шурале», который значился еще в репертуарном плане прошлого года. Заполнены некоторые вакансии, что позволило, в частности, малочисленным загрузить балетный цех (напомним, что на протяжении многих месяцев большая группа выпускников Ленинградского хореографического училища фактически бездействовала). Несколько улеглись, утихомирились «закулисные страсти», еще недавно осложнявшие творческую работу коллектива.

Все это правильно, и полностью отрицать известные перемены к лучшему было бы несправедливо. Но ведь ни для кого не секрет, что театру по-прежнему живется трудно, что он едва сводит концы с концами. Как и раньше, пуст его репертуарный портфель — пока есть только заказы, которые еще неизвестно как будут реализованы. Нет главного балетмейстера и главного художника (последнего не может, к сожалению, заменить приказ министерства культуры от 7 декабря прошлого года, где с обычной категоричностью начертано: «безотлагательно (!) решить вопрос о назначении главного художника»). По-прежнему нет педагогов-репетиторов, и вновь назначенному очередному балетмейстеру Б. Завьялову приходится, что называется, разрываться на части. Не всегда заблаговременно готовятся вторые составы, и болезнь одного исполнителя нередко таит в себе опасность поспешного ввода или даже отмены спектакля.

А возобновление старых постановок — так ли уж закономерно и последовательно идет в коллективе этот давно затянувшийся процесс? Думается, что даже нетребовательное министерство культуры не воспринимает всерьез обязательства руководителей театра вернуть на сцену до конца года 22 старых спектакля. Вздорное это обязательство, нереальное! Нереальное хотя бы уже потому, что декорации доброй половины поставленных ранее спектаклей приведены в совершеннейшую негодность.

Кстати, о декорациях. Трудно объяснить и тем более оправдать безразличное равнодушие, с которым на протяжении нескольких лет взирают руководители министерства культуры на гибель десятков и сотен тысяч рублей. Дырявые сараи, где, с позволения сказать, хранятся декорации оперного театра, напоминают свалку мусора: холсты и деревянные конструкции лежат «навалом», их мочит дождь и выжигает солнце. Осыпается краска, рвется полотно; белоснежные колонны, среди которых еще недавно звучал дуэт Альфреда и Виолетты, покрываются липкой грязью... Удивительно ли, что поставленный вчера спектакль уже через полтора—два месяца приобретает неприглядный вид, что возобновление прежних постановок зачастую требует изготовления новых декораций, а, следовательно, и новых расходов.

Разговор об этом особенно уместен именно сейчас, когда в творческих коллективах всесторонне обсуждается вопрос о возможности бездотационной работы. Пусть бухгалтеры хотя бы приблизительно прикинут, сколько средств можно было бы сохранить при бережном, хозяйском хранении декораций. Или: во что обходится государству длительные творческие простои многих артистов, в том числе и ведущих мастеров, простои, которые прежде всего объясняются скудостью рабочего репертуара, халатностью планирования производственной деятельности коллектива.

Нам могут возразить: с момента опубликования статьи «Театр серьезно болен» прошло всего полгода — можно ли за этот короткий срок кардинально перестроить работу театра, устранить решительно все недостатки, мешающие его деятельности? Да, времени прошло не так уж много. Но ведь речь в данном случае идет о другом: о том, что до теперешнего состояния республиканский оперный театр доведен многолетним благодушием и нетребовательностью министерства культуры. Работа театра не раз обсуждалась на заседаниях коллегии министерства культуры, но чаще всего результатом такого обсуждения был очередной приказ, где, как стершиеся пятаки из ладони в ладонь, пересыпались стандартно-канцелярские термины: «принять должные меры», «оказать необходимую помощь», «установить повседневный контроль»... Да и трудно было ожидать иного, более квалифицированного руководства, если во главе управления искусств министерства стоял до последнего времени человек, который, услышав как-то о предстоящем приезде в Душанбе хоровой капеллы в составе шестидесяти человек, авторитетно поинтересовался: «это что — вместе с музыкантами или без них?».

Снова возвращаясь к названию прежней статьи, опубликованной в «Советской культуре», нельзя не прийти к выводу, что театр пока далек от выздоровления. Потребуется, очевидно, еще много усилий, решительных действий, партийной непримиримости к большим и малым недостаткам, чтобы республиканский театр оперы и балета обрел, наконец, достойную творческую форму.

Ник. КРИВЕНКО,
И. ПЕКЕРМАН,
специальные корреспонденты «Советской культуры».
ДУШАНБЕ.

(Окончание следует).